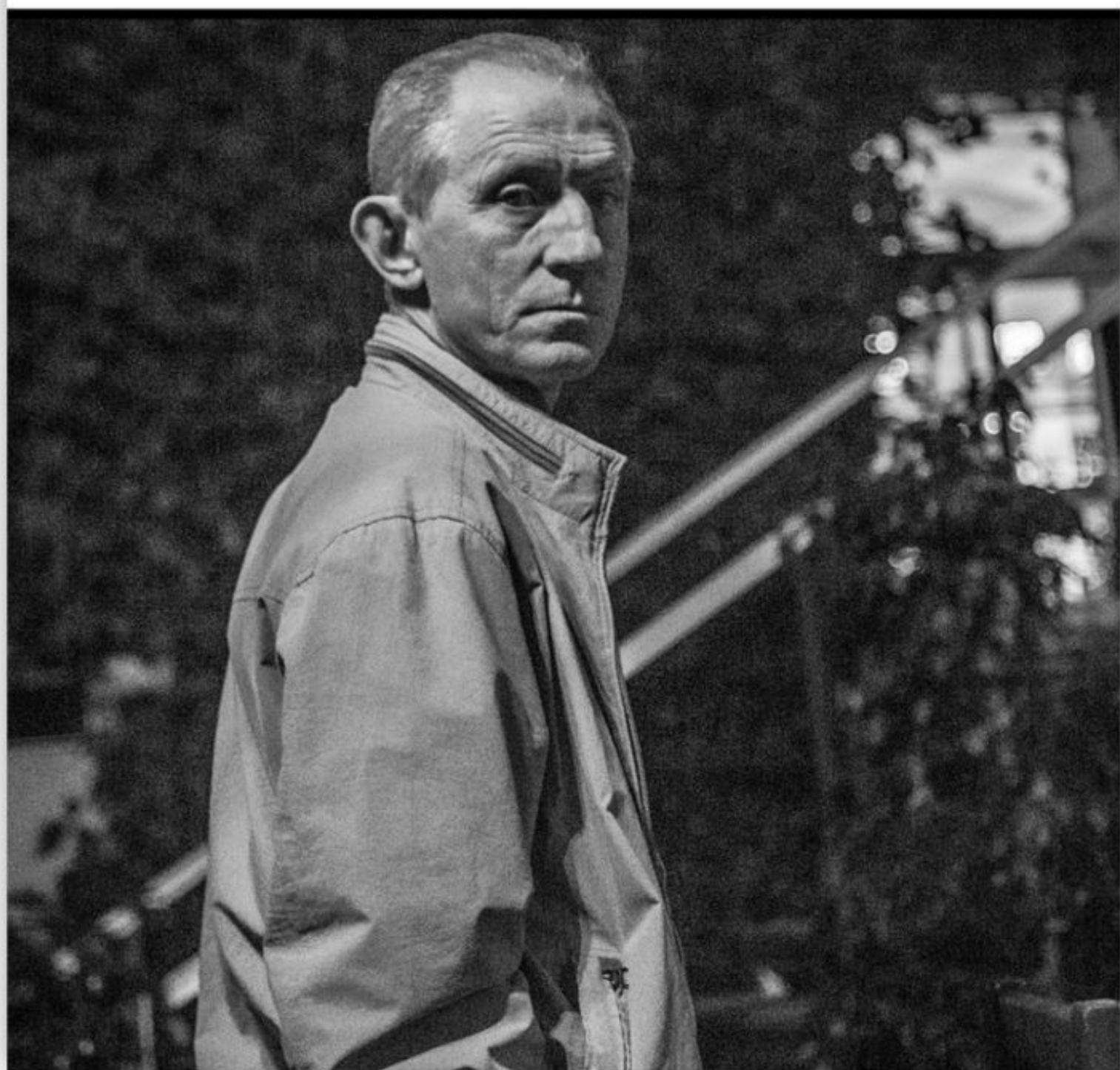


18+

АНДРЕЙ КОРОЛЬКОВ

---

# Несколько страниц



Андрей Корольков  
**Несколько страниц**

«Издательские решения»

## **Корольков А.**

Несколько страниц / А. Корольков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749563-3

«В стихотворениях Андрея Королькова чувствуешь внутреннюю силу духа. Иносказательный перевод — с происходящего в наблевшее и обратно. Он выплёскивает боль через стиль. Тоска, тоска об уходящем — и сразу всплеск. Желание срастись с природой, как с последней опорой. Потерять последнюю опору страшно. У него природа — единственное, что сотворено и на что он надеется опереться в нашей виртуальной жизни». Елена Черникова, «Поэты настоящего времени»

ISBN 978-5-44-749563-3

© Корольков А.  
© Издательские решения

## Содержание

|  |    |
|--|----|
| Деревянный рай                                   | 6  |
| «Старая, пожившая деревня...»                    | 7  |
| «В тени высокого обрыва...»                      | 8  |
| «А в углу этом тёмном могли бы стоять образа...» | 9  |
| «Молча курим. Угасает день...»                   | 10 |
| «Поскольку ночь, окно открыто в сад...»          | 11 |
| «Если дождь, я на эту дорогу смотрю из окна...»  | 12 |
| «Две недели я валяю ваньку...»                   | 13 |
| «На высоком речном берегу прозябает село...»     | 14 |
| «И ленива и не широка...»                        | 15 |
| «Вне зависимости от пола или в каких годах...»   | 16 |
| «Как нормальные мужики ...»                      | 17 |
| «Если солнце стоит высоко, то тени...»           | 18 |
| «Последняя капля, сорвавшаяся с края крыши...»   | 19 |
| Круги на воде                                    | 20 |
| «Он и в Африке – слон...»                        | 21 |
| Покров   | 22 |
| «Потеплело, и щепочка лезет на щепку...»         | 23 |
| «Почему-то на ранней заре выгоняют коров...»     | 24 |
| «О, дорога от дома к метро по утрам...»          | 25 |
| «Горбатый мостик. Обводной канал...»             | 26 |
| Питер  | 27 |
| «Улица имени Первого Мая...»                     | 28 |
| «Я живу на отнюдь не Садовом кольце...»          | 29 |
| «Я кругами хожу. Я лечусь наложением рук...»     | 30 |
| «На простом языке слесарей по ремонту а/эм...»   | 31 |
| «Это место – какой-нибудь северный порт...»      | 32 |
| Конец ознакомительного фрагмента.                | 33 |

# Несколько страниц

**Андрей Корольков**

\*\*\*

*Иллюстратор* Дарья Обросова  
*Фотограф* Сергей Немов

© Андрей Корольков, 2021  
© Дарья Обросова, иллюстрации, 2021  
© Сергей Немов, фотографии, 2021

ISBN 978-5-4474-9563-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Не дёргайся. Всё будет хорошо.  
Кто начинал, тот и поставит точку.  
Когда тебя стирают в порошок,  
как все нормальные, переживаешь шок,  
но ты теряешь только оболочку,  
так хряпни за неё на посошок;

и слава Богу, ежели пуста,  
а не пуста, опять же – слава Богу.  
Пусть отправляется. Не говорю, в дорогу:  
гроша не дам за эту недотрогу —  
сплошные уязвимые места;  
и первый встречный без ножа зарежет,  
и ссадины, фингалы, как с куста,  
и непонятно, кто кого содержит.

2012

## Деревянный рай



## «Старая, пожившая деревня...»

Старая, пожившая деревня.  
Вечера дымящийся покров.  
Маются огромные деревья  
возле заколоченных дворов.

Избы покосились, поредели,  
взгляд окон по-старчески потух;  
на молодок шпорится без дела  
тощий инкубаторский петух.

Над рекой с названьем некичливым  
серебро ракитовой каймы.  
Изредка на чибисово «чы вы?»  
я кричу:  
– Капустинские мы!

1975

## **«В тени высокого обрыва...»**

В тени высокого обрыва,  
как дирижабли невесомы,  
проходят медленные рыбы  
самоуверенно и сонно.

Тепло желтеющая глина,  
ветвей недвижимые своды,  
многозначительно и длинно  
текут медлительные воды.

Река тепла и бесконечна:  
тенистые деревья томно  
глядятся в реку, будто вечно  
не узнают или не помнят.

*1984*

## **«А в углу этом тёмном могли бы стоять образа...»**

А в углу этом тёмном могли бы стоять образа  
с негасимой лампадой: она не соперница свету,  
просто память о нём или, если подумать, слеза.  
Но икон и лампады в углу, разумеется, нету.

В этом тёмном углу даже нет и, пардон, паука,  
ни ажурной его и тончайшей такой паутины...  
Паука с паутиною нет, надо думать, пока,  
потому что их там не хватает  
для полной картины.

*2011*

## «Молча курим. Угасает день...»

Молча курим. Угасает день.  
Вьются дыма сизые колечки.  
Выползает вечер на крылечки  
уютных деревень.

Цепенеет деревянный рай,  
явно чуждый всяческого лиха.  
Господи! Как хорошо и тихо:  
ложись и помирай.

1985

## **«Поскольку ночь, окно открыто в сад...»**

Поскольку ночь, окно открыто в сад.  
Там дождь идёт. Нет, он уже – у цели.  
Там золотые яблоки висят.  
По крайней мере днём ещё висели.

Поскольку ночь, не видно ни шиша...  
А то, что там, быть может, углядела  
одна отдельно взятая душа,  
в конечном счёте не меняет дела.

*2009*

## «Если дождь, я на эту дорогу смотрю из окна...»

Если дождь, я на эту дорогу смотрю из окна,  
на дорогу, идущую берегом странной реки:  
глубина такова, что рукою достанешь до дна,  
и везде перейдёшь даже не намочивши портки.

Про портки я шучу. И когда-нибудь я дошучусь.  
И не до просторечий, а до настоящих забот,  
до потери сознания и так называемых чувств.  
Но, конечно, не завтра. Возможно, и не через год.

А сейчас – репетиция. Отрепетируем путь:  
вот дорога, река (переправа, естественно, вброд,  
никаких тебе лодок), а в небе какая-нибудь —  
за рекою над лесом – звезда. Или наоборот,

над рекой. Но сейчас это просто вода,  
и неважно, звезда путеводная там или тут.  
Вот когда по дороге отправишься (ясно – куда),  
то – не то что свернуть —  
и споткнуться тебе не дадут.

*2011*

## «Две недели я валяю ваньку...»

Две недели я валяю ваньку,  
забываю адреса и лица,  
истопляю старенькую баньку,  
но уже не пьётся и не спится.

Под горой, в каком-то буераке  
я нашёл избитую подкову.  
На горе насвистывают раки  
еженощно. Проку – никакого.

От собак и огородных пугал  
что ни день, я вздрагиваю реже.  
Две недели обживаю угол,  
больше – пятый, нежели медвежий.

1989

## **«На высоком речном берегу прозябает село...»**

На высоком речном берегу прозябает село:  
если, скажем, от нечего делать  
на улицу выйдешь,  
то не станет тебе, как тому чудаку, весело,  
потому что гуляющих девок ты там не увидишь;  
а увидишь тропинку, ведущую прямо к реке,  
и пройдёшь по тропинке,  
и встанешь на тёплые камни,  
и почти что не целясь убьёшь комара на руке,  
постоишь и зачем-то потрогаешь воду руками.  
И по тёмной воде побегут золотые круги,  
на высоких ногах по воде побегут водомеры...  
Хорошо тебе тут – вот какие твои пироги.  
И такие дела. Если только не символы веры.  
Потому что тебя навсегда отпустили домой,  
о туда, где, oprичь обветшалого дома и сада,  
комариного лета и белого снега зимой,  
больше нет ничего. А уже ничего и не надо.

*2009*

## «И ленива и не широка...»

И ленива и не широка  
(и почти что никак не зовут),  
замерзает простая река:  
очень холодно тут.

Тут, полого упав от окна,  
стынет солнечный луч на полу,  
и все вещи нанизаны на  
ледяную иглу.

Вот пока на сто вёрст – ни души,  
море времени, сколько ни трать,  
и пока не забыл, запиши  
в ледяную тетрадь,

что идёт, почему и куда,  
что бежит себе дни напролёт.  
А в реке – ледяная вода,  
по окраинам – лёд...

2008

## «Вне зависимости от пола или в каких годах...»

Вне зависимости от пола или в каких годах,  
записной ли псих, мухи ли не обидит, —  
человек, смотрящий на воду, выглядит так,  
будто думает, что его не видят.

Он не думает. Что, вообще говоря, позор.  
Но и третий глаз, как и первые два, замылен,  
и река уносит... как что? Да как тот же сор,  
даже мелкую мысль,  
заблудившуюся среди извилин.

Так учебник истории  
листает привычная пятерня:  
с упоением тем же, навязчивым или вящим,  
водный поток завораживает нас всеми тремя  
составляющими времени —  
прошлым, будущим и настоящим.

Оттого и лицо в ладони упрятавший господин  
там, где ивы к воде опрометчиво льнут и никнут,  
у холодной реки засидевшийся до седин,  
так беспомощно озирается, когда окликнут.

*2010*

## «Как нормальные мужики ...»

Как нормальные мужики —  
политикой или бабами,  
я, с чего ни начну, сколь угодно издалека,  
заканчиваю дождём, просёлком с его ухабами,  
а на заднем плане – река,  
о которой хотя и знаешь, куда течёт,  
но течёт ли вообще, ни за что не уловишь глазом.  
Тишина. И глухое «увы» – не в счёт,  
потому что накрывшиеся медным тазом  
планы на будущее посылают своё «увы»  
из небытия. И с некоторого момента  
странный запах  
прихваченной заморозками травы  
смешивается с дождём, тишиной и ещё с чем-то,  
что лежит на сердце, да и на той же душе,  
как на ветках и проводах изморозь или наледь,  
от чего охотно избавился бы уже,  
но чего не забыть и, тем более, не исправить.

2010

## **«Если солнце стоит высоко, то тени...»**

Если солнце стоит высоко, то тени,  
коротая время до заката дня,  
прячутся в листве деревьев (и других растений),  
а подует ветер – начинается беготня,  
перепрятки, шум, мельтешение, но под вечер  
тени вытягиваются, передразнивая дома,  
и сливаются, как слова иноземной речи,  
в нечто целое. Как тома  
запылённых книг на забитых донельзя полках,  
что не то что читать, но уже различать невмочь,  
ибо, будучи из, вообще-то, не самых стойких,  
устаю. А ещё: потому что ночь.

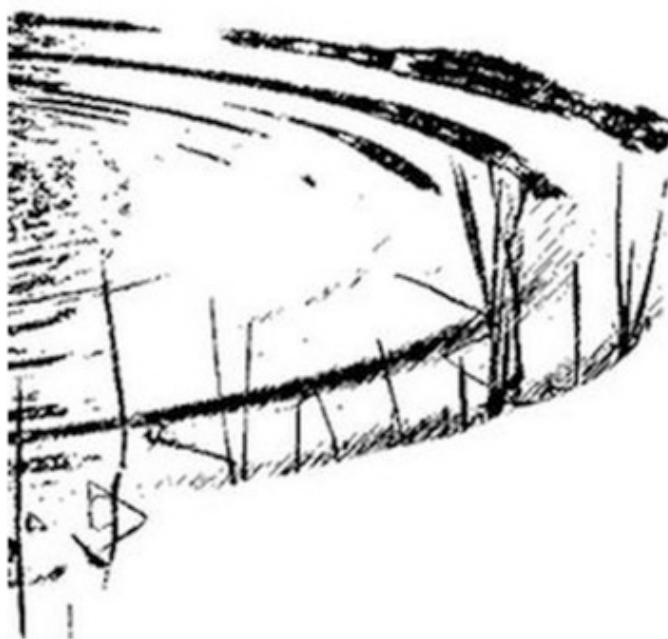
*2010*

## **«Последняя капля, сорвавшаяся с края крыши...»**

Последняя капля, сорвавшаяся с края крыши,  
падает на землю с хрестоматийным «кап»,  
после чего становится намного тише,  
чем было до этого. Как будто кляп  
заделали и без того молчавшему человеку.  
У такого молчания даже не спросишь: ну?  
Чтобы отдых дать натруженным за день векам,  
закрываешь глаза и погружаешься в тишину,  
как в астральные дебри какой-нибудь лженауки,  
как скупой – в подземелья – рыцарь,  
а лучше – крот;  
и уже не понять: тишину нарушают звуки  
или – наоборот...

*2010*

## Круги на воде



## «Он и в Африке – слон...»

Он и в Африке – слон,  
и, наверное, был на примете,  
(разумеется, бивни), короче: уснёшь на посту —  
непременно убьют, и душа, белоснежная в свете,  
не спеша отлетит и, клубясь, наберёт высоту;

и среди облаков, и – легка, устремится на север,  
собирая незрелые звёзды во влажную горсть:  
только там и тогда пожинаешь и то, что не сеял,  
где луна тяжела и желта, как слоновою кость.

И поэтому утром осенним, сырым и туманным  
над равниною русской пойдут затяжные дожди...  
Пошуруй хорошенько  
по книгам, углам и карманам,  
кое-что обрета, до сельпо до родного дойди.

Перестала давать (тьфу ты, Господи – в долг!)  
продавщица младая  
в том сельпо, куда ты  
поспешаешь (опять же – селом),  
волоча сапоги и по Фрейду лениво гадая,  
отчего тебе ночью, к примеру, привиделся слон?

А чего тут гадать? Уж и то хорошо, что не черти,  
ведь известно, что ты никогда не гнушался вина.  
Вот и выпей стакан. Закури. И подумай о смерти.  
А не хочешь, не пей: просто так посиди у окна.

1994

## Покров

Сегодня светлый праздник Покрова.  
Я торопливо собираю вещи:  
резной хомут и золотые клещи,  
берет на плешь и руки – в рукава.

И вот – благоухающий подъезд,  
а там сосед, хронически поддатый,  
и на сакраментальное «куда ты?»:  
– Куда? Туда! В пределы неких мест!

Где те же травы, те же деревья,  
не благо иго и весомо бремя,  
где точно так же истекает время  
и где сегодня праздник Покрова;

где я, отнюдь не будучи здоров,  
вполне причастный времени и праху,  
почти сниму последнюю рубаху:  
уже сегодня упадёт покров!

Ещё на мне никто не ставил крест  
(хотя идея в воздухе витала),  
но час назад меня уже не стало,  
уже я там, в пределах неких мест,

где точно так же воют провода,  
и точно тот святой и крепкий Боже...  
Ребята – всё, решительно всё то же.  
Но снег ещё не тронут. Ни следа.

*1991*

## «Потеплело, и щепочка лезет на щепку...»

Потеплело, и щепочка лезет на щепку.  
Вот из лужи прохожего обдало...  
Я пойду в магазин и куплю себе кепку,  
и она мне пойдёт, как корове седло.

Променяю все ваши на эту заботу,  
на рассвете покину родительский кров:  
как последний дурак, поплетусь на работу,  
где баклуши я бью и седлаю коров.

А ведь, кажется, помню: какая-то лошадь  
(боевая, наверно... Конечно, она!)  
выносила меня на широкую площадь,  
и – здорово, ребята!.. А там – тишина.

И с тех пор по дороге иду пригорюнясь,  
вечерами домой, на работу – с утра,  
всё по той, по которой прошла моя юность,  
не скажу, что давно, но давно бы пора;

я киваю в ответ придорожному злаку,  
я не знал и не знаю, не быть или быть,  
я ещё не решил, покупать ли собаку:  
не уверен, что я её буду любить.

1994

## «Почему-то на ранней заре выгоняют коров...»

Почему-то на ранней заре выгоняют коров...  
Вот выходим и мы с председателем  
в чистое поле:  
– Как дела, литератор?  
– Спасибо. Конечно, здоров.  
Я вчера отпустил свою душу на волю.

Как меня отпустили на волю марксизма тома,  
отпустила красавица из параллельного класса,  
как Его, наконец, отпустила кромешная тьма,  
отступившая после девятого часа;

как метавшие жребий, пардон, воротили носы,  
недовольны весьма (как одеждой)  
лохмотьями теми,  
или, скажем, как мы без конца переводим часы,  
и нам голую задницу кажет прошедшее время.

Дорогой председатель! Давай изопьём молока!  
Совершенный обломок  
совхозно-колхозного строя,  
изопьём по одной за того племенного быка  
и за красное солнце над тою зелёной горю!

Дорогой председатель, моя отлетела душа,  
наливаются кровью неясные даты и числа,  
но, представь, и сейчас за душою моей ни гроша:  
только лёгкая тень  
наконец обретённого смысла.

1990

## «О, дорога от дома к метро по утрам...»

О, дорога от дома к метро по утрам,  
и, естественно, наоборот – вечерами,  
что едва ли подобна небесным дарам,  
(как иконе – лицо в позолоченной раме):  
на корявом асфальте скопление вод,  
фонари – не того, и довольно опасно,  
до беды и до слёз довела бы, да вот  
а потом-то куда? Совершенно не ясно.  
Потому что никто не глядит из окна,  
ни со стен крепостных, ни с каких колоколен,  
и, всего вероятней, не будет *кина*:  
как ни странно, механик действительно болен;  
а давно бы пора обратиться к врачу,  
потому что не только дороги раскисли,  
но привычная ноша невнятна плечу,  
и всего интересней – дурацкие мысли.  
А дорога пуста, будто песня без слов,  
когда просто мычишь за гармонию унылой, —  
ничего от себя, лишь основы основ:  
что-то вроде «спаси, сохрани и помилуй»...

1992

## «Горбатый мостик. Обводной канал...»

Горбатый мостик. Обводной канал...  
С чего-то злоба дня заговорила:  
подкинула сравненья, что перила  
горбатого моста черны, как нал.  
А я совсем не разбираюсь в нале,  
поскольку тёмн, как вода в канале,  
отчасти лыс и нищ не по летам:  
я даже в Турцию ни разу не летал,  
не говоря о Лондоне, Париже.  
Я много ездил. Но гораздо ближе.

Лишь в этих водах отражаюсь я  
в придачу к облакам, растрёпанным, как вата.  
Плывёт какой-то водоросли прядь:  
не помню, что такое кисея,  
но и смотреть на это страшновато.  
Но то – смотреть, а ежели – нырять?

Ныряют утки. Правда, не с моста.  
И для Москвы их тут довольно много.  
А справа, слева, поверху – дорога,  
и – бить начнут, не скажешь: красота!  
Но вот гранит ступеней – что скрижаль,  
над головой, почти что сразу, – небо.  
А главное, я тут ни разу не был,  
хотя сто раз, наверно, проезжал.

2010

## Питер

Сказать, что всё не так?  
Посетовать? Понять,  
что вот опять сравнение – не в пользу?  
Что даже нимфы в Летнем встали в позу,  
чуть не порвав связующую нить:  
– Ты кто такой?

Литейный стал прямей...  
Я по нему иду седой, усталый,  
и из-под закустившихся бровей  
высматриваю то, чего не стало,  
и по всему выходит, что – меня.  
А город что ж? Ему плюс-минус тридцать —  
плюс-минус ничего.  
Петрова пятерня,  
не то что б над, но – бывшею столицей  
по-прежнему простёрта в никуда:  
чуть выше – небо, понизу – вода,  
в которой отражаются фасады.

Ограда упомянутого сада  
блестит от сырости, сочашейся с небес,  
и под рукою подаётся дверца  
туда, где я бы мог оставить сердце...  
И я оставил сердце. Но не здесь.

2012

## «Улица имени Первого Мая...»

Улица имени Первого Мая...  
Как ни тужилось время, а всё на местах,  
и, наверное, та же Анюта хромая  
собирает пустые бутылки в кустах.

Всё на месте, и крыть, разумеется, нечем:  
будто та же галдит во дворе детвора,  
даже если густой опускается вечер  
в неподдельную темень и сумрак двора,

где и в жаркую пору жары не бывает,  
и – в любую погоду – домашний уют;  
мужики постепенно козла забивают  
и поэтому к ночи едва ли забьют...

И всё так же, оставивши благоговейно  
заскорузлый мизинец, лицо к облакам  
поднимают покорные слуги портвейна,  
осушая гранёный Анютин стакан.

Домино. Перезрелая вонь магазина.  
Завывают качели: не смазан крепёж.  
Время тянется, будто сырая резина,  
и к рукам прилипает, и не отскребёшь.

Так и было. Но портит картину Анюта,  
никому не дававшая пить из горла,  
ведь она, из чего ни была бы согнута, —  
человек и, лет десять назад, померла.

*1991*

## «Я живу на отнюдь не Садовом кольце...»

*«Какой город стоит на мягком месте?»*

### *Детская загадка*

Я живу на отнюдь не Садовом кольце,  
я французский язык изучаю;  
нехорошие тени лежат на лице:  
это я по Парижу скучаю.

Сохну так, что как жив до сих пор, не понять,  
и хорошего в этом не вижу:  
мне бы только на *евры* рубли обменять,  
и я тут же рвану до Парижу.

К их каштанам от этих дурных тополей  
и от лета, почившего в пухе.  
Зажирею. И стану настолько белей,  
что пиджак не сойдётся на брюхе.

И потянет француженок пообнимать...  
Я за то – провалиться на месте —  
зарекусь их парижскую Божию мать  
поминать в неприличном контексте.

Ведь и русскому сердцу Париж как *des ailes*,  
как – воистину – ложка к обеду...  
Ах, зачем вы так нервны, мадемуазель!  
Может, я вообще не приеду.

Я – легко может статься – погиб на посту  
(*entre pois*: я стоял на защите).  
Где-ни-то-как-нибудь присобачьте плитку  
и чего-же-нибудь напишите:

мол, такой-то откинулся, ёж его медь,  
но, увы, у себя во славянах,  
так как рылом не вышел валюту иметь,  
а равно и простых, деревянных;

неизвестно, умел ли он сеять и жать  
или мыкался флагом на мачте,  
но считал, что над Сеною лучше лежать:  
веселее, а главное – мягче.

1991

## «Я кругами хожу. Я лечусь наложением рук...»

Я кругами хожу. Я лечусь наложением рук.  
Если мелочь – к слезам,  
то к чему снятся *ихние* баксы?  
Опишите мне время, и если получится круг,  
не сочтите за труд,  
перешлите картинку по факсу:  
там семнадцать мои. Остальные – неведомо где...  
– Подержите арбуз! —  
И прохожий разводит руками.  
Разведённые руки, как будто круги на воде,  
над которыми синь, чуть подёрнутая облаками.  
И прохожий идёт, разведёнными руки держа,  
по московским кругам,  
по садовым и литерным кольцам...  
И спросить бы ещё, да ушёл он далёко *deja*.  
Потому что француз.  
У него и фамилия – Гольцман.  
О московские кольца! Линючи на вас тополя!  
А возмись убирать,  
так за те же семнадцать не свёз бы...  
Опускается пух на зыбучие камни Кремля  
и летит над рекою, где плавают красные звёзды.  
Опишите мне время, пока я иду по кольцу,  
или, как иногда говорят, окажите услугу,  
ибо мне одному неизвестно, к какому концу  
приближается время, бредя по такому же кругу.

1994

## «На простом языке слесарей по ремонту а/эм...»

На простом языке слесарей по ремонту а/эм  
о весне закричали грачи на высокой берёзе;  
вот и я выползаю из дома (неважно зачем),  
но, поднявши главу,  
замираю в немислимой позе,  
потому что сугробы значительно выше колен,  
да и солнце в глаза, и любое движение излишне.  
Вон горят колокольни уездного города N,  
а звонят ли к обедне,  
отсюда, конечно, не слышно.  
Да и видно-то плохо, поскольку сии города —  
на три четверти пьяные слёзы  
в гранёном стакане,  
и когда электрички уходят незнамо куда,  
остаются в округе всё те же грачи и цыгане.  
Этот необитаемый остров почти что ничей.  
Обитаем условно. И не исчисляема паства.  
Только солнце и снег. Нецензурные речи грачей.  
Ну, берёзы да избы.  
А в общем, пустое пространство.

*1994*

## **«Это место – какой-нибудь северный порт...»**

Это место – какой-нибудь северный порт,  
замечательный тем, что туда – прибывают  
и что там даже злые собаки не лают,  
потому что за всех отдувается норд;

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.